

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ПЛАТОНОВА

Алейников О. Ю.
Воронеж, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5500-6918
E-mail: oaleinikov@yandex.ru

УДК 821.161.1-3(Платонов А.)
DOI 10.26170/FK19-04-06
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44
ГРНТИ 17.81.31
Код ВАК 10.01.08

ЗАПИСИ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО БЛОКНОТА А. ПЛАТОНОВА: ОПЫТ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена насущной потребностью изучения документов личного происхождения, выявленных в федеральных и региональных архивохранилищах, систематизации источниковедческих данных (а также других достоверных материалов и фактов) о жизни и творчестве выдающихся деятелей русской литературы. В статье анализируются ранее не публиковавшиеся и неизвестные специалистам записи из рабочего блокнота А. Платонова, сделанные в период его работы корреспондентом газеты «Красная звезда». Новизна исследования определяется тем, что в научный оборот вводится архивный документ, представляющий особую ценность, поскольку он позволяет уточнить и дополнить накопленные сведения о творчестве выдающегося русского писателя. Значение выявленного автографа определяется также новизной историко-биографических фактов, требующих изучения и обнародования. В статье предлагаются результаты историко-литературного комментария и текстологической реконструкции, подчиненных единому исследовательскому замыслу. Уточняется время, когда были сделаны записи и рисунки, определяется их место в составе платоновских «записных книжек» периода Великой Отечественной войны. Синхронизируются упомянутые в блокноте события, реалии и факты с историческим контекстом и «персональным временем» писателя. Анализируются стратегии «письма» Платонова, создававшего независимое от публицистических схем и пропагандистских установок описание бойцов и командиров инонациональных частей, сражавшихся в составе Красной армии (ее оперативно-стратегических объединений). Устанавливается соотносительность приведенных в блокноте сообщений с газетными источниками 1939–1944 гг., распространявшими разные «версии» о судьбе польских воинских частей на территории СССР, их участии в боевых действиях на советско-германском фронте. Предлагается комментарий к записям, характеризующим моральное и эмоционально-психологическое состояние «вчерашних врагов», переживших советскую «интервенцию в Польшу» (выражение В. М. Молотова), находившихся в лагерях для военнопленных, депортированных в Архангельскую область и Сибирь, а затем, после всего этого, ставших «боевыми товарищами». Выясняется специфика восприятия проблем национальной идентичности солдатами и офицерами польских подразделений. В статье восстановлены записи, сокращенные писателем, уточнены имена и фамилии лиц, упомянутых на страницах блокнота, предлагается истолкование ряда «темных мест», индифферентных рисунков, составлявших одну из примет рукописной «подобойской литературы» (термин В. Хализева), существовавшей в подцензурную эпоху.

Ключевые слова:
записные книжки;
рукописи; текстология; реконструкция текстов; русская литература; русские писатели.

Aleinikov O. Yu.
Voronezh, Russia

THE NOTES FROM UNPUBLISHED A. PLATONOV'S NOTEBOOK: HISTORICAL-LITERARY COMMENTARY AND TEXTOLOGICAL RECONSTRUCTION

Abstract. The analysis of private archival documents about the renowned writers' life and creative work is very acute nowadays. The article analyses previously unpublished A. Platonov's notebook during the period of his journalist's career in the paper "Krasnaya Zvezda". The article's novelty is determined by the analysis of the valuable archival documents allowing to provide some new facts to the renowned writers' creative work, including the novelty of historical and biographical facts. The paper shows the results of historical and literary comments and textological reconstruction united by the integrated research aim. The author clarifies the period when these notes appeared, specifying their place among Platonov's "notes" during Great Patriotic War. The events and realia mentioned in his notes are synchronized with the historical context and writer's "personal" time. In the course of historical-literary commentary and textological reconstruction. We find out individual writing strategies exploited by A. Platonov who created unique war description. The article traces the relatedness Platonov's notes to the newspapers published in 1939–1944; the latter spread different versions about Polish military units deployed in the USSR and their part in combat action during the war. The author comments upon the notes on moral a psychological state of "yesterday enemies" who survived the Soviet military imprisonment and later became "battle comrades". The author finds out the specificity of Polish officers' and soldiers' perception of national identity problems. The paper also restores Platonov's reductions made by him in his own works.

Keywords:
notebooks; manuscripts; textology; text reconstruction; Russian literature; Russian writers.

Для цитирования: Алейников, О. Ю. Записи из неопубликованного блокнота А. Платонова: опыт историко-литературного комментария и текстологической реконструкции / О. Ю. Алейникова // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 49–56. DOI: 10.26170/FK19-04-06.

For citation: Aleinikov, O. Yu. (2019). The Notes from Unpublished A. Platonov's Notebook: Historical-Literary Commentary and Textological Reconstruction. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 49–56. DOI: 10.26170/FK19-04-06.

В одном из недавно сформированных фондов Государственного архива Воронежской области выявлен «Рабочий блокнот Платонова А. П., военного корреспондента, с записями о встречах с воинами Войска Польского. Рукопись. 14 листов. 1943 г.» [ГАВО. Ф. 3293. Оп. 1]. Автограф исполнен карандашом на листах газетной бумаги, прошитых по верхнему обрезу скобой из проволоки черного металла. Ценность рукописи, сохранившейся в бумагах И. А. Саца и безвозмездно переданной в государственный архив воронежским ученым-краеведом [Алейников 2017: 91], не вызывает сомнений. Однако требуется уточнить ряд вопросов.

Датировка рукописи, указанная в архивном формуляре, не является авторской. Обложка блокнота утрачена, на лицевых и оборотных листах не указано, когда сделаны записи. Собеседники А. Платонова упоминают события, относящиеся к весне, лету и осени 1943 года, но нигде не оговаривается, что рассказ ведется из того же времени. Вот, например, одна из записей: «I Дивизия.

I. Див<изия> образ<ована> в мае 1943 г. – Берл<нрзб.> <Берлинг>

II. Офицеры из л<агерей> д<ля> в<оенно>/п<ленных> и офицеры из Кр<асной>Ар<мии>

III. В 1943 подготовили офицеров в див<изию> из ряд<ового> и серж<антского> сост<ава>

Ряд<овой> и серж<антский> состав из лаг<ерей>, <нрзб.> из Польши и из зап. <нрзб.> СССР.

Полит<ические> офиц<еры> – из демократов, <нрзб.> из антифашистов, из политраб<отников> див<изии>» [ГАВО. Ф. 3293. Оп. 1. Д. 3295. Л. 4].

На других листах приводятся более актуальные свидетельства: уцелел «костел в Бердичеве», «орган; не сгорел» [л. 10 (об)]. Но город Бердичев освобожден в январе 1944 г. войсками 1-го Украинского фронта. Уже это сопоставление фактов позволяет поставить под сомнение датировку, указанную при формировании архивного фонда.

Показательна и краткая запись «Арм<ия>», отчеркнутая на обороте первого листа рукописи и не получившая раскрытия. Есть основания полагать, что имеется в виду Первая Польская армия, к созданию которой приступили в марте 1944 года. Однако для бесед о «делах армейских», очевидно, не хватало информации – после краткой записи в корреспондентском блокноте остаются незаполненными одиннадцать листов. Не исключено, что А. Платонов планировал вернуться к этой теме. Ему не раз приходилось строить свою работу подобным образом в периоды «разъездных командировок» по частям и соединениям [Трояновский 1981: 8–9].

Командующим Первой Польской армии был назначен Зыгмунт Берлинг. В рукописи фамилия этого офицера воспроизведена поспешно, распознается лишь по первым буквам. Имя, должность и воинское звание не указаны. Эти сведения, очевидно, были известны А. Платонову: советские газеты сообщали о полковнике З. Берлинге, принявшем сторону Красной армии [Милецкий 1943: 3]. «Ксендз Кубш» [л. 10] – напротив – назван по фамилии и по имени, с соблюдением норм польского произношения: «Франчишек». Указаны род его занятий – «капеллан» и воинское звание – «подполковник» [л. 10].

Упомянутое в рабочем блокноте звание католического священника – веский аргумент в пользу более поздней датировки рукописи. В феврале 1944 года в Москве состоялся созванный Всеславянским комитетом митинг, на котором капеллан Первого польского корпуса Ф. Кубш, состоявший тогда в звании майора, обратился «к сынам и дочерям польского народа» с призывом свято верить в «избавление от власти тиранов» и «безжалостно бить врага» [Митинг славян-воинов 1944: 3]. Материалы ТАСС о митинге «воинов-славян» с указанием званий и должностей выступавших представителей чехословацких, польских, румынских и югославских частей, воевавших на советско-германском фронте, широко тиражировались. Таким образом, запись о «подполковнике» Кубше могла быть сделана А. Платоновым не ранее марта – апреля 1944 года (на эти месяцы приходится командировка писателя в действующую армию). Один из ветеранов польской 1-й танковой бригады им. Героев Вестерплатте вспоминает: «погрузились в эшелоны в Смоленске и 21 марта отбыли через Брянск, Киев, Фастов в район украинского города Бердичева. Здесь бригада задержалась на непродолжительное время, а в начале мая 1944 года перебазировалась на Волынь – в район Киверцов <...> повсюду шли разговоры об освобождении Польши» [Новинский 1989: 48]. Польские «танк<исты>» [л. 2] и запомнившийся одному из воинов «костел в Бердичеве» [л. 10 (об)] упоминаются в блокноте А. Платонова. Считать, что записи сделаны в период летней командировки писателя в действующую армию, не представляется возможным: в рукописи говорится о капитане Р. Замбровском [л. 6], которому 2 мая 1944 года будет присвоено звание майора.

Пропагандистская схема и творческие стратегии.

В советской печати военных лет был востребован «преднаходимый» способ подачи информации об иностранном соединении, воевавшем на советско-германском фронте. Рассказ, очерк, статья, беседа или репортаж на эту тему должны были создавать пропагандистский образ «товарищей по оружию», продолжавших следовать своим национальным традициям, отличаясь от красноармейцев не воинским уставом и «боевым духом», а собственным флагом, родным языком, песнями, званиями, формой, знаками различия.

Историческим параллелям и национальной символике в пропагандистском дискурсе придавалось большое значение. «Дивизия будет польской не только по своему составу, но и по своему существу, – настаивала писательница Ванда Василевская, говоря о создании в Советском Союзе части, не подчинявшейся правительству в Лондоне. – Все ее офицеры – поляки, команды будут отдаваться на польском языке, гимн – польский. Солдаты и офицеры принесут присягу на верность польскому народу. Они наденут форму польской армии 1939 года. Знамя польской дивизии будет двухцветным – белым и красным – национальным знаменем Польши. На знамени будет красоваться орел времен династии польских королей Пястов, когда Польша вела войну против немцев». На той же газетной полосе В. Василевская «сообщала, что „Союз польских патриотов в СССР“ (общественно-политическая организация, созданная в январе 1943 года. – О. А.) выделяет для ди-

визии группу культофицеров, готовит издание дивизионной газеты, газет в ротах, создает дивизионный театр и кинобригаду» [Милецкий 1943: 3].

В пропагандистских целях использовались биографические факты, подтверждавшие право командиров иностранных соединений вести за собой солдат. «Красная звезда» сообщала о Зыгмунте Берлинге: «он начал военную карьеру еще солдатом, участвовал в первой мировой войне, командуя взводом и ротой, затем окончил академию генерального штаба Польши, по окончании академии занимал ряд командных должностей в польской армии, вплоть до начальника штаба польского корпуса в Кракове. Берлинг был начальником штаба 5-й дивизии польской армии, формировавшейся в СССР. Здесь у него возникли разногласия с польским командованием, и полковник отказался выехать на Ближний Восток» [Милецкий 1943: 3].

В очерке П. Лидова «В гостях у чехословаков», опубликованном в одном из апрельских выпусков «Правды» за 1943 год, находим сходные пропагандистские приемы. И в этом произведении существенное место отводится военной биографии Людвика Свободы, командира «чехословацкой части в СССР», экскурсам в героическое прошлое, вызывавшим у читателя доверие. «Полковник не впервые сражается против немцев. За участие в знаменитом брусилловском наступлении г-н Слобода получил георгиевские кресты 4-й и 3-й степени, затем чехословацкий военный крест и орден Стефаника; после он был награжден польским военным крестом. В дни великой войны всего свободолюбивого человечества против гитлеровских разбойников Людвик Свобода со сформированной им частью – на советско-германском фронте» [Лидов 1943: 3]. Автор очерка замечает «просторные шинели цвета хаки и массивные ботинки» чехословацких солдат, непохожие на красноармейские. Но о «ратных делах» «братьев по оружию» говорится лаконично: «Полковник и его ближайшие помощники капитан Ломский и надпоручик Рытирж, офицеры и бойцы части рассказали нам некоторые подробности о недавних боях». Это сообщение не раскрыто. Вместо подробностей боев предлагается описание «импровизированного концерта»: «Полились прекрасные мелодии чехов, грустные напевы словаков, моравов и прикарпатских украинцев, боевые песни, с которыми часть шла на фронт. С особенным чувством бойцы спели любимую песню „Тече вода“. Далее следовали: старинная чешская песня „У панского двора“, словацкая песня „Тренчанские годы“, „Травичка зелена“, которую поют в чехословацких частях в Англии, боевая песня „Мы за вами до Берлина“, преследуемая немцами в Чехословакии „Песничка ческа“. А когда запева-ла затянул русскую „Вдоль по улице метелица метёт“, а потом „Катюшу“ и „Сулико“, к хору присоединились голоса находившихся здесь колхозниц и ребятишек. И казалось, что в песне ещё теснее сливаются души родственных и спаянных общей целью народов» [Лидов 1943: 3].

В своей работе А. Платонов придерживался принципиально иной системы аксиологических координат, не совпадавшей с официальной пропагандой. Внешняя атрибутика (мундиры, галуны, шевроны, фуражки-конфедератки, кокарды с «пястовским» орлом), люби-

мые народные песни, биографии «отцов-командиров», как и экскурсии в «символическое прошлое», призванные продемонстрировать «славянское единство», писателя не интересуют. Свою задачу он видит в постижении незаемной «солдатской правды», специфики поведения и самоидентификации человека на войне. Однако, как убеждают записи из блокнота писателя, в расположении польских частей ему была предложена программа встреч и бесед, составленная по пропагандистским требованиям. Приехавшему корреспонденту «Красной звезды» сразу же говорят о проделанной агитационно-политической работе:

«Надо было сломить ист<орическую> трад<ицию> в отн<ошении> СССР, и она была сломлена» [л. 4 (об)].

Символично, что со словами, напоминающими лозунг, к писателю обращался прапорщик «Ц<нрзб.>» [л. 1] – эта фамилия стоит первой в рукописи и почти полностью стерлась. Затем приводится состав редакции газеты, выходявшей в одной из польских частей:

«Ред<акция>

<нрзб.> Бевзюк

<нрзб.> Коприновск<ий>» [л. 1].

А. Платонов отделяет эти фамилии от других записей двумя сплошными волнистыми линиями, проводя условную границу, отделяющую чужой план от своего – писатель предпочитает говорить с теми, кто находится «внутри войны» [Спиридонова 2005: 6].

Далее перечислены офицеры и солдаты из боевых подразделений:

«2 п<олк>

поручик Влад Врублевский

хорунжий Клыш

развед<чик> хорунж<ий> Минучиц

В 1 арт<иллерийском> полку – поручик Чубрий» [л. 1].

«Развед<ывательный> бат<альон>

Везде был в гуще борьбы

поручик Мац

(Рудня Торобице)» [л. 1 (об)].

На отдельном листе названы воины из танковой бригады им. Героев Вестерплатте, принимавшие участие в боях:

«Танк<исты>:

Поручик Плужник (1 т<анк> п<одбил>)

Поручик Феринец (1 т<анк> п<одбил>)

Поручик Мишура (1 т<анк> п<одбил>)» [л. 2].

Несколько листов занимают фамилии политработников из полков и батальонов 1-й Польской пехотной дивизии:

«3 п<ехотный> п<олк>

Полк<овник> Петровский

Зам<еститель> пч <по политической части> Бромберг

п<олит> отд<ел> дивизии» [л. 3].

«Подпоручик

Шедрович Владислав

зам<еститель> ком<андира> бат<альона> по п<олитической>ч<асти>

(~ 1915 г. <рождения>) поль<ский> урожай<енец>,

б<ывший> антисемит

Подпоручик Оксанич Евгений

Зам<еститель> ком<андира> бат<альона> по п<олитической>/ч<асти>

Боевой офицер (комбат)
Союз польских патриотов
Карпинский Мечислав
бывший глава польской организации

главный редактор польской армейской газеты» [л. 5].

«Щепаньский Феликс
заместитель командира батальона по политической части»

(воспитан в дивизии)

Госс Ян

заместитель командира роты по политической части»

Гутут Тадеуш
заместитель командира роты по политической части» [л. 5 (об)].

«Майор Минц Гиларий

начальник политдивизии

Капитан Беркович (из Красной Армии)

Майор Грош Виктор

Поручик Путрамент Юрий (Ежи)

Капитан Замбровский Роман

«бывший» Метковский Мечислав» [л. 6].

«Генерал Завадский» [л. 6 (об)].

Вскоре в блокноте появится запись о том, что капитан Беркович вел себя «в бою, как другие» офицеры (против паники), после «бывший» из политработников был назначен командиром полка» [л. 8]. Но в рукописи нигде не указаны место службы и род занятий политэмигрантов Гроша, Путрамента, Замбровского, с которыми мог беседовать А. Платонов. (Сведения об этой беседе отсутствуют.) До войны Виктор Грош, писатель и публицист, окончил факультет журналистики Варшавского университета, подвергался арестам за «антигосударственную деятельность». Оказавшись в СССР, зимой и весной 1942 года выступал с пропагандистскими передачами на польском языке. Весной 1944 года в расположении польских соединений майор В. Грош мог находиться в командировке от издававшейся в Москве еженедельной газеты «Wolna Polska» («Свободная Польша»), секретарем которой являлся. Ежи Путрамент, филолог по образованию, прозаик, поэт, публицист и переводчик, окончил Виленский университет. Преследовался за левые убеждения. В СССР активно участвовал в деятельности «Союза польских патриотов». В 1944 году вступил в Польскую рабочую партию, проходил службу в 1-м Польском пехотном корпусе. Роман Замбровский в довоенной Польше возглавлял коммунистическую молодежную организацию (был ее первым секретарем). Подвергался арестам. В сентябре 1943 был назначен начальником отдела образования 1-й Польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко, участвовал в боях.

Переноса в блокнот многочисленных фамилий, А. Платонов отмечает, кто из перечисленных офицеров начинал свою службу рядовым солдатом. Таковых было немного: фамилии «Оксанич», «Карпинский», «Щепаньский», «Госс», «Гутут» сопровождаются пометками: «рядовой», «рядовые» [л. 5 (об)].

Сведения, полученные от непосредственных участников боев, приведены на обороте 6 листа:

«в августе выехали на фронт
первый бой 12–13 октября
на Оршанском направлении»
Оборона немцев была прорвана
Атака шла в рост

до 1500 самолетов/вылетов немцев» [л. 6 (об.)].

Речь идет о событиях 1943 года. В самом начале Оршанской наступательной операции «под Ленино (Могилевская область)» [СССР и Польша 1994: 20] ценой больших жертв польские части прорвали первую линию немецкой обороны, закрепились на склоне высоты и удерживали занятые позиции, несмотря на контратаки противника и бомбежки. За два дня боев погибло более 500 польских солдат и офицеров, свыше 600 пропали без вести, ранения получили не менее 1750 человек. Потеряв более четверти личного состава, 1-я Польская пехотная дивизия была выведена из района боевых действий 14 октября.

Таким было ее «боевое крещение». Под записями об этой драматической истории А. Платонов проводит несколько косых линий и в нижнем углу листа вычерчивает рисунок, напоминающий могилы, в большом количестве вырытые для павших. В условиях «подпольной литературы» [Хализев 2001: 26] военных лет распространение информации о потерях приравнивалось к вражеской агитации и пропаганде, но писатель прибегает к современной «пиктографии», не считая возможным обойти «фигурой умолчания».

«Коммеморативное» дополнение к сказанному воспроизведено на следующем листе:

«В трех боях

3 Героя Советского Союза

капитан Гюбнер

майор Высоцкий – в бою погиб

рядовой Кшивонь, Ангела

автоматчица,

погибла, спасая раненых» [л. 7].

Упомянутые имена и фамилии нуждаются в уточнении: Звезду Героя Советского Союза получил капитан Юлиуш Хибнер; майор Владислав Высоцкий и автоматчица Анеля Кживонь были отмечены этой наградой посмертно.

Лист завершают следующие свидетельства:

«Капитан Ростевич – жив

(командир запаса полка)

Майор Ляхович – «через 7 км мой родной дом!» – убит

Капитан Плют (командир батальона)» [л. 7].

На обороте листа событийно-информационные сообщения сменяются воспитательно-пропагандистскими:

«Генерал-майор Киневич Болеслав (к-командир) вновь формировавшейся дивизии»

выдающийся офицер

В сложных условиях

примером личного мужества

шел впереди атакующих цепей

Яркий пример «бывший»

Передача опыта войны» [л. 7 (об)].

А. Платонов подчеркивает эту запись короткой линией, очевидно, считая, что разговор о «выдающемся офицере» окончен. Но, возвращаясь к сказанному,

уточняет, кем был Кеневич в битве на «Оршанском направлении»:

«Тогда – зам<еститель> ком<андира> див<изии> по стр<оевой> п<одготовке>» [л. 7 (об)].

Под влиянием пропагандистской схемы или личных симпатий – собеседник писателя допускает неточность не случайно: Болеслав Альбинович Кеневич родился в 1907 году в селе Дворец Минской губернии. Происходил из семьи мелкопоместных польских дворян. В 1921 году начал службу в РККА курьером управления снабжения Северо-Кавказского округа. Уволился из рядов РККА, через два года вновь добровольно был зачислен в строй, военное дело осваивал в учебной дивизии. В 1930-е годы занимал должности командира взвода, роты, батальона, полка, начальника полковой школы. В 1937 был арестован. Освобожден в 1939. Принимал участие в «Польском походе» Красной армии и в войне с Финляндией. 22 июня 1941 года встретил в Киевском особом военном округе. Принимал участие в Смоленском сражении, позже командовал полком. В 1942 назначен командиром стрелковой дивизии, в январе 1943-го был тяжело ранен. С мая 1943 года полковник Кеневич состоял в должности заместителя командира 1-й Польской пехотной дивизии. С декабря 1943 являлся начальником штаба 1-го Польского корпуса. Звание генерал-майора получил 13 марта 1944 года, после своего назначения на должность начальника штаба Первой Польской армии.

Существенно, что в сознании платоновского собеседника, решившего «подсказать» корреспонденту «яркий пример» поведения офицера на войне, место «отца командира» занимает Болеслав Кеневич, а не Зыгмунт Берлинг, стоявший во главе соединения. Причина этого, на наш взгляд, раскрыта в ответе на очень важный для польского (и любого другого) военнослужащего вопрос о том, способен ли командир разделить судьбу своих солдат.

Не по своей воле покинувшие земли, лежавшие восточнее «линии Керзона», попавшие в плен, амнистированные в 1941 году, вновь объявленные гражданами Польши (когда были установлены дипломатические отношения между СССР и польским правительством в изгнании), вновь утратившие свое гражданство и связи с родиной после отправки армии генерала Андерса в Иран, многие поляки, служившие в дивизии им. Тадеуша Костюшко, в 1943 году находились в смятении.

О «деморализации» польских военнослужащих есть запись в платоновском блокноте:

«Учебн<ый> период <требовалось> –

Усв<оить> опыт Кр<асной> Арм<ии>

За год – <нрз.> выбить груз деморализации» [л. 9 (об.)].

После драматичного «боевого крещения» образ высшего по должности командира – поляка, кадрового офицера Красной армии, решившего служить в дивизии, собранной из интернированных и бывших военнопленных, готового, забыв об исторических и политических «обидях», пойти навстречу смерти в одной шеренге со своими подчиненными, пробуждал у польских солдат новые настроения и надежды.

А. Платонов записывает слова о лучшей сути чело- века, неизменной «даже в траншеях». Об этом говорят польские младшие офицеры:

«Хар<актер> пол<ьского> бойца

храбр; мало опыта войны; впечатлителен или наивен; крестьяне; «молод<ая> кровь не помнит обид»

даже в траншее под огнем» [л. 9].

Иначе рассуждал о «духе польских войск» генерал-лейтенант В. Андерс в интервью газете «Правда», записанном накануне декабрьского наступления Красной армии под Москвой: «К нам устремляется все лучшее, что есть в польском народе, и в первую очередь польская молодежь. Эти резервы, из которых мы пополняем наши формирования, огромны <...> Меня особенно радует дух наших войск. Польский народ первым принял на себя военные удары гитлеровской агрессии, он пережил за эти годы, пожалуй, больше, чем остальные народы Европы. Но это не сломило, а, наоборот, сплотило и закалило его. Жгучая ненависть к нашим заклятым врагам – немцам пылает в сердцах у поляков. Поляки жаждут мести» [Беседа с генералом Андерсом 1941: 3].

Пропагандистский текст, агитирующий против общего врага, сближал позиции идеологических противников. Из записей бесед А. Платонова с польскими военнослужащими следует, что о «ненависти к немцам» [л. 12] писателю сообщили лишь один раз – в перечне тем для политработы, причем значится этот «пункт» на самом последнем, «неглавном» месте:

«Основн<ой> труд – отнош<ение> пол<яков> к зап<адным> укр<аинцам>

Политработа –

Беседы о дружбе укр<аинских> и польск<их> <солдат>

<нрз.>борьба

Использ<ование> примеров об этой борьбе – до последней конкретности

Настроение – счастливое

близость Родины,

земля ждет

Сердце тоже хочет работы

Ненависть к немцам» [л. 12].

На пятом году войны свою национальную идентичность поляки связывали не с мезью и жаждой отмщения, а с «чувством родины». И – несомненно – с католической верой. В блокноте А. Платонова появляется характерная «закавыченная» запись:

«„Боже, что так долго

сохранял Польшу и ее процветание, –

До Тебя молимся сейчас –

Этой песней мужественных людей –

Родину нашу верни нам,

Господи!«» [л. 11 (об.)].

Под «песней» имеется в виду древняя религиозная песня «Bogurodzica», исполняемая группой людей а саррелла. Польские рыцари пели ее перед боем, позже она стала считаться неофициальным гимном Польши. Не исключено, что А. Платонову перевели этот текст «обращения ко Господу». Показательны предшествующие записи в блокноте:

«Ксендз Кубш,

(капеллан) Франчишек

Подполковник

(по траншеям под огнем)

Общ<ая> идея: польский патриотизм,

больш<е> верующих католиков» [л. 10].

«Психологические коллизии, возникавшие при создании польских частей» [Сенявская 2006: 216], – факт известный. Чтобы устранить противоречия, существовавшие между политработниками-атеистами и католиками, более высокие воинские звания, как правило, присваивались капелланам. К тому же подполковник Кубш исполнял свой пасторский долг «по траншеям под огнем». Авторитет священнослужителей в польских войсках был очень высок. Один из советских ветеранов вспоминал, что «рота настоящих поляков, которые, кстати, окончили наше же Пушкинское танковое училище в г. Рыбинске, вместо политинформации молилась со своим ксендзом» [Сенявская 2006: 216].

Но А. Платонову важны и такие приметы «звучащей реальности», как «позывной „Ольха 43“» [л. 11], давший прозвище одному из политработников. Интересны грубоватые шутки не обученных хорошим манерам механиков-танкистов: «только тогда <армия> боеспособна, когда каждый солдат переспит с танками» [л. 12 (об.)], запоминаются солдатские словечки, в том числе переосмысленный оборот «держат в руках», которым подбадривали себя поляки в бою: «реб<ята>, раз мы держим их в руках – давайте их бить» [л. 8 (об.)].

Следует также отметить, что у выявленного в архиве рабочего блокнота есть отличия от тех записных книжек, где писатель расставлял оценочные пометы: «оч<ень> хорошо», «чрез<вычайно> важно», «оч<ень> важно». И не скрывал своего отношения к предмету размышлений, говоря, например, об особой роли искусства в условиях «адской действительности»: «Несомненно, античное искусство ничего общего не имело с ужасной рабской античной действительностью; ант<ичное> ис<кусство> и появилось как противовес, как самозащита, как своего рода компенсация за адскую действительность, как призрак, питающий и утешающий» [Платонов 2000: 237].

В записях бесед с воинами Первой Польской армии авторские оценки сведены к минимуму. Одна из причин этого, на наш взгляд, заключается не только в отторжении писателем пропагандистских установок, но и в том, что «польскую тему» А. Платонов мог рассматривать как часть своей творческой биографии. В расположении Первой Польской армии писатель находился весной 1944 года, когда шли бои за Тернополь. Этот город напоминал о так называемом «великом освободительном походе Красной армии» [Клоков 1940: 2], в агитационной «поддержке» которого принимали участие советские писатели и кинематографисты: Вс. Вишневский, Ф. Гладков, А. Довженко, М. Исаковский, В. Катаев, С. Михалков, К. Симонов, А. Твардовский, многие другие.

Рассказ А. Платонова «Алтеркэ» также был приурочен к годовщине присоединения к СССР польских «Восточных кресов». Опубликованный в 1940-м году со значительными сокращениями, этот текст производил «ошеломляющее впечатление» на читателей, внимательных к историко-культурным и философским контекстам (В. П. Скобелев вспоминал, что открыл для

себя Платонова «именно по этой вещи»). Но повествование о судьбе еврейского мальчика, полуслепшего и сошедшего с ума в местечке под Тернополем от одиночества, побоев, голода и унижений, при желании могло быть прочитано с однозначной и жесткой рабочей-крестьянской простотой: «...значит, вся Польша виновата!» [Платонов 1940: 2].

В 1944 году записи А. Платонова подчинены стратегии, исключавшей субъективные, однозначно политизированные трактовки: вопреки пропагандистским установкам и публицистическим схемам на страницах корреспондентского блокнота воссоздано многоголосие мнений и позиций, существовавшее в польских частях и услышанное таким, каким оно было в реальном измерении жизни.

Место «рабочего блокнота» в составе платоновских «записных книжек» времен Великой Отечественной войны. Весной 1944 года продолжались сражения за правобережную Украину. Эти события отражены в «записной книжке» А. Платонова, заведенной им в январе того же года и опубликованной в составе других его рабочих блокнотов и книжек под условным номером 23. Записи доведены до марта и апреля 1944 года. На страницах той же книжки есть созвучия с записями из рабочего блокнота «о встречах и беседах» с польскими военнослужащими: «Передовой опыт гвард<ейских> частей»; «[Земля – плоть народов, первая ценность.]» [Платонов 2000: 251].

24 книжка (воспользуемся принятой в издании нумерацией) охватывает события летнего советского наступления, в котором примет участие Первая Польская армия. Это произойдет в июле, когда ее подразделения вместе с войсками 1-го Белорусского фронта переправятся через Западный Буг и вступят в сражения за освобождение Польши. События и факты, приведенные выше, убеждают, что блокнот А. Платонова с «записями бесед о встречах» с польскими военнослужащими имеет более раннюю датировку и мог бы занять место, отведенное в издании для двадцать четвертой «записной книжки».

Выводы. «Блокноты, тетради, записные книжки – это, вероятно, лишь скромное название уже давно существующего и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом „записной книжки“, – обобщал А. Платонов свой многолетний опыт работы с записями материалов о „невывышенной реальности“ (выражение А. Гениса). – Если же блокноты и записные книжки являются складочно-заготовительными пунктами литературного сырья, то было бы странно опубликовать что-либо „из записной книжки“, потому что питать читателя сырьем нельзя, это есть признак неуважения к читателю и доказательство собственного высокомерия» [Платонов 2000: 251]. Но выявленная в архиве рукопись для историков русской литературы представляет особую ценность как документ, созданный в условиях подцензурного письма. Многие свидетельства и факты, записанные А. Платоновым, не подлежали огласке. С 1939 года газета «Красная звезда» замалчивала существование лагерей для польских военнопленных (известны лишь от-

дельные невнятные упоминания). В советской печати не следовало освещать способы пополнения личного состава сформированной в СССР 1-й Польской дивизии им. Тадеуша Костюшко (большинство боевых офицеров вначале были направлены из Красной армии). Из рукописи следует, что польские военнослужащие не всегда сами знали, в какой должности состоят их высокопоставленные руководители «идеологического фронта». Читателям «Красной звезды» была неизвестна подлинная роль католических капелланов, их пасторский подвиг. Не принято было освещать конфликты и противоречия, возникавшие в иностранных (и советских) частях по «национальному вопросу». Офицер, знакомивший Платонова с фамилиями политработников, видимо, хотел показать высокий уровень идеологической работы, назвав одного из своих сослуживцев «бывшим антисемитом», не уточнив, что за ксенофобские высказывания офицера могли разжаловать или понизить в должности [Рыбаков 1988: 118]. В блокноте зафиксирован интерес писателя к этой проблеме, характерный для его творчества в целом [Малыгина

2018: 542–543]. Рядом с сообщением об освобожденном Бердичеве показательна запись: «не помнит, как рана напол<илась> болью» [л. 10 (об)].

Как убеждают записи, патриотические и национальные идеи были популярны у поляков, независимо от их боевого опыта и срока службы. Поэтому политработники считали очень важными отношения с западными украинцами. Корреспонденту, прибывшему из Москвы, могли быть неведомы истинные чаяния и настроения «товарищей по оружию», многие из которых не хотели дважды принимать присягу [Сенявский 2002: 100]. Об этом дне Платонову ничего не рассказывали. В условиях недоговоренности и недосказанности писатель следовал своим стратегиям письма: отказываясь от пропагандистских схем, он не прибегает к фигуре умолчания, осовременивая «пиктографический» способ сохранения информации, сокращая до минимума авторскую модальность. Показательно, что в блокноте незаполненными оставлены одиннадцать листов: беседы с польскими воинами не завершены.

ЛИТЕРАТУРА

- Алейников О. Ю. Специфика подцензурного повествования в очерке А. Платонова «Житель родного города» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 2. – С. 91–98.
 Беседа с генералом Андерсом // Правда. – 1941. – 6 дек. – С. 3.
 ГАВО. – Ф. 3293. – Оп. 1. – Д. 3295.
 Клоков В. Я. Великий освободительный поход Красной Армии. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1940. – 48 с.
 Лидов П. В гостях у чехословаков (От военного корреспондента «Правды») // Правда. – 1943. – 19 апр. – С. 3.
 Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артём Весёлый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 592 с.
 Милецкий Я. Дивизия польских патриотов. (Беседа корреспондента «Красной звезды» с председателем «Союза польских патриотов в СССР» писательницей Вандой Василевской и командиром польской дивизии в СССР полковником Зигмундом Берлингом) // Красная звезда. – 1943. – 13 мая.
 Митинг славян-воинов // Красный флот. – 1944. – 25 февр. – С. 3.
 Новинский М. От Ленинграда до магнусшевского плацдарма // Память о совместной борьбе: О советско-польском боевом братстве в годы борьбы с немецким фашизмом / сост. Г. Лобарев, Л. Грот. – М.: Политиздат; Варшава: Издательство Министерства обороны ПНР, 1989. – С. 47–50.
 Платонов А. Алтеркэ // Дружные ребята. – 1940. – № 2. – С. 1–7.
 Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / публ. М. А. Платоновой; сост., подготовка текста, пред. и прим. Н. В. Корниенко. – М.: Наследие, 2000. – 424 с.
 Рыбаков Г. Через горы и реки. Воспоминания офицера Войска Польского / пер. с польск. А. Вербицкого и А. Пономарева. – М.: Военное издательство, 1988. – 374 с.
 Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОСПЭН, 2006. – 288 с.
 Сенявский А. С. Поляки в Красной Армии в 1944 году: социально-психологические проблемы // Военно-исторический архив. – 2002. – № 1. – С. 97–111.
 Спиридонова И. А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов А. Платонова). – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2005. – 212 с.
 СССР и Польша // Русский архив: Великая Отечественная: в 29 томах. – М.: ТЕРРА, 1994. – Том 14 (3–1). – 492 с.
 Трояновский П. Капитан Андрей Платонов // Литературная Россия. – 1981. – 8 мая. – С. 8–9.
 Хализев В. Е. Платонов-мыслитель в контексте современной ему философии (о «Записных книжках» писателя) // Постсимволизм как явление культуры. – Москва-Тверь, 2001. – Вып. 3. – С. 26–30.

REFERENCES

- Aleinikov, O. Yu. (2017). Spetsifika podtsenzurnogo povestvovaniya v ocherke A. Platonova «Zhitel' rodного goroda» [The Specificity of Narration under Censorship in the Essay of A. Platonov *Citizen of a Native Town*]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 2, pp. 91–98.
 Beseda s generalom Andersom [Conversation with General Anders]. (1941). In *Pravda*. 6 December, p. 3.
 GAVO [State Archive of the Voronezh Region]. Stock 3293. List 1. Dos. 3295.
 Khalizev, V. E. (2001). Platonov-myslitel' v kontekste sovremennoi emu filosofii (o «Zapisnykh knizhках» pisatelya) [Platonov-thinker in the Context of his Contemporary Philosophy (on the *Notebooks* of the Writer)]. In *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury*. Moscow, Tver'. Vol. 3, pp. 26–30.
 Klokov, V. Ya. (1940). *Velikiy osvoboditel'nyi pokhod Krasnoi Armii* [Great Liberating Campaign of Red Army]. Voronezh, Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. 48 p.
 Lidov, P. (1943). V gostyakh u chekhoslovakov (Ot voennogo korrespondenta «Pravdy») [Visiting Czechs (From Military Journalist of “Pravda”)]. In *Pravda*. 19 April, p. 3.

Malygina, N. M. (2018). *Andrei Platonov i literaturnaya Moskva*: A. K. Voronskii, A. M. Gor'kii, B. A. Pil'nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman [A. Platonov and Literary Moscow: Voronsky, Pilnyak, Pasternak, A. Veselyi, Budantsev, Grossman]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 592 p.

Miletskii, Ya. (1943). Diviziya pol'skikh patriotov. (Beseda korrespondenta «Krasnoi zvezdy» s predsedatelem «Soyuza pol'skikh patriotov v SSSR» pisatel'nitsei Vandoi Vasilevskoi i komandirov pol'skoi divizii v SSSR polkovnikom Zigmundom Berlingom) [Division of Poland Patriots (The Talk of the "Krasnaya Zvezda" Journalist with the Head of V. Vasilevskaya and Z. Berling)]. In *Krasnaya zvezda*. 13 May.

Miting slavyan-voinov [Meeting of Slavonic Warriors]. (1944). In *Krasnyi flot*. 25 February, p. 3.

Novin'skii, M. (1989). Ot Leningrada do magnushevskogo platsdarma [From Leningrad to Magnush Bridgehead]. In Lobarev, G., Grot, L. (Eds.). *Pamyat' o sovместnoi bor'be: O sovetsko-pol'skom boevom bratstve v gody bor'by s nemetskim fashizmom*. Moscow, Politizdat, Varshava, Izdatel'stvo Ministerstva oborony PNR, pp. 47–50.

Platonov, A. (1940). Alterke. In *Druzhnye rebyata*. No. 2, pp. 1–7.

Platonov, A. (2000). *Zapisky knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for Biography]. Moscow, Nasledie. 424 p.

Rybakov, G. (1988). *Chez gory i reki. Vospominaniya ofitsera Voiska Pol'skogo* [Through Mountains and Rivers. Polish Officer's Recollections] / transl. by A. Verbitskii and A. Ponomareva. Moscow, Voennoe izdatel'stvo. 374 p.

Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voinakh XX veka: Evolyutsiya «obraza vraga» v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the Wars of the XX Century: The Evolution of the "Image of the Enemy" in the Minds of the Army and Society]. Moscow, ROSPEN. 288 p.

Senyavskii, A. S. (2002). Polyaki v Krasnoi Armii v 1944 godu: sotsial'no-psikhologicheskie problemy [Poles in the Red Army in 1944: Socio-psychological Problems]. In *Voenno-istoricheskii arkhiv*. No. 1, pp. 97–111.

Spiridonova, I. A. (2005). «Vnutri voiny» (poetika voennykh rasskazov A. Platonova) ["Inside the War" (Poetics of the Military Stories of A. Platonov)]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 212 p.

SSSR i Pol'sha [USSR and Poland]. (1994). In *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya, in 29 vols*. Moscow, TERRA. Vol. 14 (3-1). 492 p.

Troyanovskii, P. (1981). Kapitan Andrei Platonov [Captain A. Platonov]. In *Literaturnaya Rossiya*. 8 May, pp. 8–9.

Сведения об авторе

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru.

Author's information

Aleinikov Oleg Yur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Voronezh State University (Voronezh).